

ЕДИНСТВО ОНТОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТИКИ В КУРСЕ «РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА» В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. Е. Дороненко

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

E-Mail: olgodoronenko@gmail.com

Кафедра философии департамента философии Уральского федерального университета осуществляет подготовку и выпуск студентов по специальности «Прикладная этика» (всего в России подготовка по данной специальности осуществляется на четырех кафедрах). Направление подготовки предполагает как углубленное теоретическое освоение текстов, источников, методологической культуры, так и «практические проекции» теоретического материала, освоение практически ориентированного опыта культуры, социальной жизни, этических практик. В программе подготовки наших студентов присутствует курс «Религиозная этика», 4 часа в неделю в течение одного семестра на третьем курсе. Курс читается по авторской программе, разработанной автором предлагаемого материала. Чтение курса обнаруживает как болевые и даже кризисные точки современного светского образования, так и проблемы религиозного *просвещения в контексте светского образования*. Последнее для автора особо актуально.

Свое краткое изложение начну с сугубо практических и методических проблем. При составлении и утверждении программы, естественно, возникла проблема методического обеспечения, в том числе, составления списка рекомендуемой литературы, основной и дополнительной. Учебная литература для высшей школы, да еще для профессиональной подготовки с прямым названием «Религиозная этика» отсутствует. Курс «Нравственное богословие» для духовных учебных заведений или теологических специальностей здесь не подходит, по дипломатическим соображениям в среде светского образования такие названия вообще лучше не упоминать. На момент утверждения программы мною были найдены ряд книг и монографии, в названии которых присутствовали, по крайней мере, понятия «христианская этика», «христианская нравственность», в том числе работа, белорусского автора – игумена Петра Бирюкова «Основы христианской нравственности» [1]. Далее мной, позволю себе самооценку, достаточно тщательно были отобраны авторитетные работы, проецирующие смысл христианской нравственности на антропологическое содержание, вплоть до повседневности, от Феофана Затворника, рассуждающего, в том числе, о началах «нравственной жизни вообще» до Иоанна Крестьянкина, который в своем «Опыте построения исповеди» толкует заповеди, как на уровне жития Дмитрия Донского, так и применительно к правилам проезда в общественном транспорте [3]. Вряд ли студенты специальности «прикладная этика» найдут где-либо больше «прикладного» смысла, чем у отца Иоанна, хотя само название брошюры вроде бы далеко не светское. Всего библиографический список включал в себя более сорока источников. Программа была утверждена. Но при подготовке университета к аккредитации многоступенчатый контроль потребовал удалить все источники, которых нет в электронных библиотечных системах университета (ЭБС). Применительно к программе «Религиозная этика» это означало удаление **всех** источников, включая Священное писание. Никакие уверения о том, что абсолютно все предложенные работы оцифрованы, без труда открываются на многих (далеко не на одном) сайтах, при подготовке к государственной аккредитации не действуют. Мы вынуждены были включить лишь учебники по религиоведению, которые оказались зарегистрированными в электронных библиотечных системах, доступных (закупленных) в университете. Итак, согласно электронным библиотечным ресурсам, представленным в УрФУ, студентов можно обучать без

Священного Писания, святоотеческого наследия, трудов подвижников благочестия в России и «прочих там иереев» – мне примерно так и было сказано. Для многих очевидно, что подобный изъян затрагивает все специальности, поскольку мировоззренческий модуль входит в подготовку всех специальностей, а не только этиков, религиоведов, историков, филологов и т.п. Еще в 60-е годы XX века, в условиях коммунистической Югославии святитель Николай Сербский писал «Чему учат детей в школах?... Чему, чему? – дьяволу! Чтобы попирал он все Божие, все Христово. Этого и хочет дьявол, чтобы... не было Бога в человеческом сердце. Чтобы этот мир был... сумасшедшим домом...» [5, с. 387]. Работу по отвержению божьих начал в человеке совершали и продолжают совершать, в том числе, носители светской культуры, самоуверенные в своей самодостаточной культурности, не нуждающиеся в трудах «каких-то там иереев».

Что вообще означает конфликт в понимании значения того или иного текста, произведения в системе образования: в освоении курса, написании курсовой работы и т.п.? Для носителей религиозного миропонимания указание в имени автора «святой», «святитель», «старец» означает соприкосновение с духоносным опытом, понимание «божьего присутствия» в словах подвижников. Именно в силу этого данные труды, являясь божьими по происхождению, открываются как глубоко человеческие по содержанию, раскрывают эталон человечности, который светская культура тщетно искала, а затем признала утраченным. Для сугубо светского сознания наименование «святой», а уж тем более просто «святитель», указывает лишь на формально церковную принадлежность и иногда может свидетельствовать о моральных достоинствах (которые лучше проверить и перепроверить). Сознание в плену «человеческого, слишком человеческого». Такое сознание буквально находится в пропасти секуляризации, валяется подобно пресмыкающимся и не в состоянии подняться. Подтверждение этому – практически единодушное признание антропологического и этического кризиса в современной философии, этике, антропологии, практически во всех сферах наук о человеке.

В связи с обозначенными выше локально методическими, но, одновременно, принципиально мировоззренческими проблемами постараемся кратко обозначить интегрирующую, синтетическую роль курса религиозной этики в светском образовании. Первоначально, при составлении и обсуждении планов подготовки студентов по вновь вводимой специальности «прикладная этика», возникла обоснованная мысль о необходимости религиоведческой подготовки будущих специалистов, в том числе, для решения межконфессиональных и межрелигиозных проблем в коллективе. В дальнейшем, в окончательном варианте программы подготовки курс религиоведения «превратился» в «религиозную этику»: по чисто методическим причинам надо было как можно больше различных видов этики. Эта замена оказалась более чем перспективной. Преподавание религиоведения как этики отражает саму суть религиозного опыта. Христианство – опытная наука. Эта истина присутствует во множестве самых выдающихся богословских трудов, только ссылки на которые превзошли бы объем краткой статьи. Одновременно, изложение, а главное – понимание нравственного законодательства требует понимания его не только антропологических, но и онтологических оснований. Опытной-прикладной характер религиозной этики не противоречит ее теоретической глубине, фундаментальной обоснованности, превосходящей всякую светскую этику.

Именно на этом мне бы хотелось остановиться. Понимание *единства этики, антропологии и онтологии* составляет саму суть религиозной этики, ее принципиальное отличие от всех форм светской этики, даже в ее лучших образцах: аристотелевской, кантовской, шеллеровской. Данное преимущество в изложении самой религиозной этики может быть утрачено (скрыто), если изложение проблем религиозно-нравственного законодательства начинать с восхождения пророка Моисея на гору Синай, т.е. с изложения Декалога, содержания, смысла и происхождения заповедей. Содержание в этом случае до известных пределов сохранится, а происхождение и смысл будут утрачены. Необходимость раскрыть происхождение и смысл приведет нас даже не ко второй главе Книги Бытия

(сотворение человека), а к первой (сотворение мира). В основополагающем для христианской мысли труде свт. Григория Нисского «Человек как образ и подобие Божие» место человека в последовательности процесса творения является важным аргументом в пользу подобия Богу как Царю – «венец творения», господин всей прочей твари [4, с. 17, 22]. Свт. Феофан Затворник предлагает исключительно нравственно-богословское истолкование первых глав Книги Бытия в чтениях Великого поста: «Свет, который просветит твою душу, твердь, которая утвердит твою душу... При правильном устроении душа начнет произрастать – сначала злаки, потом деревья... плоды, а потом живые твари – совершенные и богоугодные дела, а потом на основе этого в тебе будет восстановлен образ Божий» [8]. Одновременно необходимость нравственного законодательства раскрывается в глубине падения человека: от братоубийства Каина, от продажи братьями Иосифа до современной хроники преступлений и нравов «на зоне». Вне этих печальных и тяжелых для разговора «кейсов» актуальность нравственной проблематики Нового Завета не раскрывается, а смысл исполнения нравственного законодательства «порядочными людьми» сводится к фарисейству.

Проблема исполняемости – неисполняемости ветхозаветного нравственного законодательства, актуально поставленная в работе протоиерея Владислава Свешникова [6, с. 290–307], не может быть сведена к указанию на известное «несовершенство», «ограничения» самого законодательства. Также как и смысл Нагорной проповеди может быть превращен истолкователями (проповедниками, преподавателями) в абстрактно-назидательный, но неисполнимый, если излагается вне антропологической проблематики. Кульминация Нагорной проповеди – призыв к совершенству: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48) – по существу, призыв к восстановлению образа Божия в падшем человеческом естестве, что никакими усилиями самого человека невозможно. Путь исполнения Декалога раскрывается в заповедях блаженства, а стремление следовать заповедям блаженства обращает к онтологическим смыслам проблем богочеловечности (очищение себя покаянием и восприятие тела и крови Христовой в таинстве святого причащения). Здесь сталкиваются смыслы религиозной и светской этики, здесь компромисс невозможен и мировоззренческий конфликт, который теоретически (но не практически) неразрешим.

И светская этика, и антропология, как научная и философская дисциплина, игнорируют принципиальное для богословия, религиозного сознания и религиозного опыта различие трех состояний человека по отношению к добру и злу: до грехопадения, после грехопадения и после искупительной жертвы Христа [2, с. 128–182]. Игнорирование или смешение этих состояний искажает понимание онтологической необходимости нравственного законодательства и превращает само его содержание в фарисейское: императив, но не преобразование природы человека.

Светская этика может предлагать блестящие формулировки императивов, хотя для всех и всегда очевидно, что даже в чисто литературном плане выше Нагорной проповеди нет ничего. Императив может быть прекрасен и возвышен, но практически неисполним. Этические построения в новоевропейской и современной культуре сознательно деонтологизируются, отказываются от признания принципа обратимости бытия и блага. Подобная, хотя и скрытая, деонтологизация может присутствовать в изложении – истолковании религиозных заповедей, особенно при их изложении в учебных курсах. Это происходит при чрезмерных акцентах на императивность, проще говоря, при подаче материала в форме «человек должен», «мы должны», «женщины должны», «мужчины должны» и т.п. Светское сознание такие «призывы» отвергает, и, на наш взгляд, совершенно справедливо. Давление императивом далеко не лучший, если не тупиковый путь в миссионерской работе. Понимание глубинной онтологической природы заповедей раскрывает их подлинную религиозность (восстановление связи с Богом), их необходимость для восстановления поврежденной человеческой природы, для исцеления человека. Один из самых последовательных критиков морального сознания Ф.Ницше

считал мораль лживой маской. Вполне точная диагностика фарисейской морали и гуманистических трансформаций протестантской этики. А потому для изложения актуальности и смысла религиозного нравственного законодательства следует, на наш взгляд, как можно чаще демонстрировать применение принципа обратимости бытия и блага, говорить не на языке долга, а на языке пользы, ибо «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мк. 8: 36).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петр (Бирюков), игумен. Основы христианской нравственности. – Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – 143 с.*
2. *Игнатий Брянчанинов. Слово о человеке. Избранные творения. СПб, 2008. – 720 с.*
3. *Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. Опыт построения исповеди. Сретенский монастырь, 2005 г. – 253 с.*
4. *Григорий Нисский. Человек как образ и подобие Божие. Об устройении человека. – СПб.: Аксиома, МИФРЛ, 1995. – 176 с.*
5. *Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): в 4 т. М.: Паломник, 2004. Т.1. 435 С.*
6. *Свешников, В. В. Очерки христианской этики / протоиерей Владислав Свешников. – М.: Лента Книга, 2010. – 784 с.*
7. *Феофан Затворник, святитель. О христианской жизни и деятельности. Собрание писем. – М.: Правило веры, 2011. – 464 с.*
8. *Феофан затворник, святитель. Мысли на каждый день года. 20 февраля (7 февраля ст. ст.), вторник. URL: <http://pravoslavie.by/inf/feofan/2018-02-20>*